

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б97

Серия «Эксклюзивная классика»

Iain Banks

WALKING ON GLASS

Перевод с английского и примечания *Е. Петровой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

*Печатается с разрешения издательства Little,
Brown Book Group Limited
и литературного агентства Nova Littera SIA.*

Бэнкс, Иэн.

Б97 Шаги по стеклу : [роман] / Иэн Бэнкс ; [пер. с англ. Е. Петровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-108882-8

Молодой человек, с первого взгляда влюбившийся в случайно встреченную девушку, оказывается втянут в таинственную историю...

Простой рабочий уверен, что в действительности он — гонимый полководец великой галактической войны, заключенный в человеческое тело...

В загадочном Замке Дверей, расположенном неведомо в каком времени и пространстве, два старика играют в странные игры и пытаются найти ответ на загадку...

Три истории, которым в итоге предстоит слиться в единое целое!

Роман «Шаги по стеклу», впервые опубликованный в 1985 году, — дерзкий эксперимент по слиянию философской фантастики, притчи и постмодернистской прозы, своего рода «художественный квест», путешествие по скрытым цитатам и отсылкам к произведениям Кафки, Борхеса, Мервина Пика.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Iain Banks, 1985

© Перевод, примечания, Е. Петрова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-108882-8

Посвящается моей матери и отцу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Теобалдс-роуд

Он шел белыми коридорами, мимо щитов с прикнопленными объявлениями о сдаче внаем недорогого жилья и продаже старых автомобилей, мимо любителей кофе, сидевших за столиками, мимо отверстия в белом полу, над которым застыл колченогий стул, охраняя открытый люк, где возился некто с фонариком. У выхода он взглянул на часы:

вт 28

3:33

Спускаясь по ступеням, он помедлил и с улыбкой задержал взгляд на этих цифрах. Три-три-три. Хорошая примета. Сегодня все сойдется, сегодня все сложится.

Дневной свет казался ослепительно ярким даже в сравнении с побеленными стенами и прессованной мраморной крошкой коридоров. Воздух был теплым, слегка влажным, но без духоты. В такую погоду приятно прогуляться пешком. Это тоже радовало, потому что ему вовсе не улыбалось прийти к ней вспотевшим и растрепанным, особенно в такой день, особенно в преддверии этой встречи, сулившей вполне определенную удачу, которая забрезжила в конце пути.

Грэм Парк ступил на широкий серый тротуар перед зданием колледжа и, пропустив поток машин, перебе-

жал на северную сторону Теобалдс-роуд. Поравнявшись с пабом «Белый олень», он пошел дальше прогулочным шагом, помахивая большой черной папкой, которую приходилось нести за единственную уцелевшую ручку. В папке лежали *ее* портреты.

Он посмотрел на небо, простиравшееся над жилыми домами, над громоздкими башнями офисных зданий, и с улыбкой отметил, как причудливо разграфили синеву закопченные городские крыши.

Сегодня все виделось ярче, свежее, отчетливее, будто его обычные, ничем не примечательные жизненные обстоятельства уподобились спектаклю, где актеры сперва запутались в тонком занавесе и не смогли предстать перед публикой, но вот теперь с торжествующим видом выбежали на авансцену и, разведя руки в стороны, запели: «Та-ра-рааа!» Он почти смутился от такого юношеского прилива чувств; это ощущение восторга нужно было лелеять, прятать от посторонних глаз, а если анализировать, то с осторожностью. Достаточно было просто знать о том, что оно есть; сама тривиальность такого блаженства как-то ободряла. Пусть даже многим другим довелось испытать нечто подобное; пусть многие другие испытывают нечто подобное прямо в эту минуту — все равно их переживания будут совсем не такими, никогда не повторят твоих полностью. *Отдайся чувствам*, сказал он себе. *Что в этом плохого?*

У ближайшей многоэтажки застыл, прислонясь спиной к серо-красной кирпичной стене, оборванный, грязный бродяга. Невзирая на жару, он вырядился в зимнее пальто болотного цвета; из одного башмака торчал босой палец. В руках старик держал две большие коробки свежих шампиньонов. От вида бедности в сочетании со странностями Грэму всякий раз делалось не по себе.

Да, много в Лондоне странных личностей. На каждом шагу попадаются нищие и убогие, этакие разлетающиеся осколки гранаты, ходячие язвы общества. При встрече с такими субъектами он содрогался от неприязни и страха, хотя от них не исходило никакой угрозы — им самим впору было бояться каждого встречного. Однако сегодня все смотрелось по-иному; сегодня старик в зимнем пальто, часто моргающий, с землистым лицом, обхвативший потными руками две килограммовые упаковки грибов, выглядел занятно, и не более того — готовый сюжет для будущего рисунка. Дальше по улице, возле почты, топтался высокий, прилично одетый чернокожий парень, который вполголоса разговаривал сам с собой. Он тоже оказался совсем не страшным. Грэм подумал, что, наверное, так и остался провинциалом, хотя упорно с этим боролся. Он всегда напускал на себя столичный скепсис, да, видно, перестарался; потому и шарахался в ужасе от всего, что приоткрывал ему большой город. Только теперь, предчувствуя новые силы, которые могла бы ему дать *она*, он позволил себе роскошь внимательно взглянуться в себя (а ведь в городе требовалось все время носить защитную броню, просчитывать каждый шаг).

Раз и навсегда выбрав для себя маску осторожного циника, он теперь понял, что при всей непробиваемости такой защиты — а результаты ее были налицо: как-никак, студент второго курса и, вопреки опасениям мамы, учится неплохо; деньги не промотаны; на нож не нарывался; сердце свободно, — при всей неоспоримой надежности такой обороны, за все приходит расплата, и расплатой стало отчуждение, непонимание. С чего он взял, что тот чернокожий парень — псих? Мало ли у кого бывает привычка разговаривать с самим собой. С чего он взял, что старик в рваных башмаках — нищий, без пенса за душой, и грибы у него ворованные? Может, просто

не повезло бедняге: вышел в обеденный перерыв купить грибов, а башмаки возьми да и лопни. Грэм смотрел на ревущий поток машин и поверх него — на ограду густо увитой плющом Грейз-Инн, видневшейся справа. Этот день, этот путь запомнятся ему навсегда. Даже если она не... даже если его мечты, его надежды не... Нет, все сбудется. У него было твердое предчувствие.

— Ты эти мысли брось, Парк: зуб даю, какая-нибудь грязышка.

Резко обернувшись, он увидел Слейтера, который сбегал по ступеням библиотеки Холборна: на нем были джинсы в полторы штанины, блестящая черная туфля на одной ноге и высокий ботинок на другой; джинсы он подогнал соответствующим образом, чтобы одна штанина, как положено, опускалась простроченным краем на черную туфлю, а вторая заканчивалась бахромой на уровне колена. Вдобавок Слейтер облачился в потертый жокейский камзол с черной сорочкой и нацепил галстук-бабочку, тоже черный, но при этом густо усеянный мелкими пурпурными стекляшками. Маскарад довершала кепка из красной шотландки. Грэм в голос расхохотался. Слейтер смерил его взглядом, полным напускного презрения:

— Не вижу причин для такого бурного веселья.

— Что за вид? Выглядишь как... — Грэм жестом обвел джинсы и обувь Слейтера, а взглядом указал на кепку.

— Выгляжу как баловень судьбы, — перебил Слейтер, взяв Грэма под локоть и увлекая его вперед, — который на барахолке в Кэмдене откопал настоящие летчицкие ботинки.

— И чикнул ножиком, — подхватил Грэм, разглядывая ноги Слейтера и одновременно высвобождая локоть.

Слейтер ухмыльнулся и сунул руки в карманы обезображенных джинсов.

— Вы выказали постыдное невежество, молодой человек. Если бы вы пригляделись повнимательнее или пораскинули мозгами, то могли бы сообразить, что на мне авиаторские ботинки особого фасона, которые с помощью пары молний превращаются в шикарные туфли, коим в сороковые годы не было цены. Смысл-то вот в чем: если отважного аса сбивали в тылу врага, ему достаточно было расстегнуть молнии на щиколотках, чтобы остаться в цивильных туфлях, сойти за местного и обмануть злобных эсэсовцев в узких черных мундирах. А я всего лишь приспособил...

— Совершенно идиотский вид, — не дал ему договорить Грэм.

— Слышу брюзжание сексуального большинства, — парировал Слейтер.

Теперь они шли еле-еле; Слейтер не выносил суеты. Грэм почти свыкся с этой привычкой и знал, что потопрапливать Слейтера бессмысленно. Поскольку времени у него было с запасом, оставалось только получать удовольствие от неспешной прогулки.

— Даже не понимаю, чем ты так меня возбуждаешь, — сказал Слейтер, но, взглядевшись в лицо приятеля, с обидой спросил: — Парк, ты меня слушаешь или нет?

Грэм сокрушенно покачал головой, едва заметно улыбнулся, но вслух ответил:

— Конечно слушаю. И хватит паясничать.

— Ах, боже мой, прошу прощения, — театрально расшаркался Слейтер, прижимая руку к груди. — Наш чувствительный гетеросексуал обиделся. Он, наверное, еще и малолетка. О, я этого не перенесу!

— Может, перестанешь придуриваться, Ричард? — сказал Грэм и остановился, чтобы посмотреть приятелю в глаза. — Мне иногда кажется, что ты никакой не гей.

Ну ладно. — Он снова двинулся вперед, делая попытку хоть немного ускорить шаг. — Рассказывай, чем занимался. Что-то тебя в последние дни не видно.

— Ага, решил сменить тему, — усмехнулся Слейтер, глядя прямо перед собой. Он скривился и почесал голову там, где из-под клетчатой кепки выбились короткие завитки черных волос. На тонком бледном лице дрогнули мускулы. — Как тебе сказать... Не хотелось бы заострять внимание на сомнительных подробностях... на изнанке жизни, но если перейти к делам более целомудренным, хотя и более печальным, — я целую неделю занимался тем, что пытался соблазнить милашку Диксона. Да ты его знаешь: у него божественные плечи.

— Что? — брезгливо поморщился Грэм. — Этот, с первого курса? Дылда с крашеными волосами? У него же мозгов нет.

— Ты так считаешь? — протянул Слейтер, описывая головой дугу, что могло быть истолковано и как согласие, и как отрицание. — Ну, не в мозгах счастье. Но эти плечи, боже мой! А талия, бедра! Его мозги меня не волнуют — зато от шеи и ниже ему нет равных.

— Совсем спятил, — отрезал Грэм.

— Беда вот в чем, — как ни в чем не бывало продолжал Слейтер, — то ли он не понимает, к чему я клоню, то ли не хочет понимать. К тому же возле него постоянно крутится этот противный Клод, его дружок... Сколько раз я этому типу говорил открытым текстом: ты урод, но до него не доходит. Вот у кого на самом деле мозгов нет. Я тут поинтересовался, как ему нравится Магритт, так он решил, что это телка с первого курса. Никак не удается оттеснить его от Роджера. Я не переживу, если он гей. В том смысле, что он у Роджера был первым. Роджер сам по себе не так уж и глуп — это от его дружка распространяется зараза.

— Ха-ха, — сказал Грэм. Ему всегда было неловко выслушивать гомосексуалистские излияния Слейтера, хотя тот редко называл вещи своими именами, да и Грэма эти пристрастия никак не касались. Насколько он мог судить, за все время ему на глаза попался лишь один (как предполагалось — из многих) возлюбленный его приятеля.

— Сейчас я тебе кое-что расскажу, — внезапно ожил Слейтер, когда они переходили Джон-стрит. — У меня блестящая идея.

Грэм едва не заскрипел зубами:

— Какая же на этот раз? Создать очередную религию? Или огрести кучу денег? Или и то и другое?

— Идея литературная.

— «Пески любви». Знаю, слышал.

— А что, классный был сюжет. Нет, теперь никакой романтики. — Они остановились на углу Грейз-Инн-роуд в ожидании зеленого света. На другой стороне точно так же остановились у светофора двое панков; они показывали пальцами на Слейтера и покатывались со смеху. Грэм закатил глаза и тяжело вздохнул.

— Так вот, представь, насколько позволит твое воображение, — заговорил Слейтер, театрально разводя руками, — что перед нами некая...

— Короче, — перебил Грэм.

Слейтер сделал обиженное лицо.

— Так вот: загнивающая технократическая империя, этакая Византия будущего, и там, в столице...

— Может, хватит научной фантастики?

— Ты ничего не понял, дурила, — не сдавался Слейтер. — Это... такая притча. А захочу — сделаю из нее детскую сказку. Ну, слушай дальше. В столице этой империи некий важный сановник крутит шашни с дочерью императора. И принцесса, и ее папаша-император тянут

из него жилы, и в конце концов он отдает тайный приказ изготовить андроида, который мог бы подменять его на бесконечных церемониях и скучных приемах. Окружающие *ни о чем* не догадываются. Через какое-то время сей государственный муж добавляет андроиду чуток мозгов, чтобы можно было отправлять его на охоту, на конфиденциальные встречи, а также на заседания кабинета министров с участием самого императора, — и все это ради того, чтобы еще дольше нежиться в объятиях принцессы. В один прекрасный день, не выдержав накала любовной страсти, сановник умирает. Все его обязанности переходят к андроиду; император приближает его к себе, а принцесса обнаруживает, что в альковном искусстве он намного превосходит покойного хозяина. Андроид всюду попевает, потому что не тратит времени на сон. Но у него начинает зарождаться совесть, и он во всем признается императору. Император с улыбкой выслушивает его исповедь, а потом открывает у себя на груди небольшой дисплей и произносит: «По странному стечению обстоятельств...» Конец цитаты. Неплохо, да? Как ты считаешь?

Грэм глубоко вздохнул и после некоторого раздумья изрек с самым серьезным видом:

— Значит, этим летчикам ничего не стоило обкорнать свои ботинки. А как же военная форма?

Слейтер остановился в гневной растерянности и с досадой переспросил:

— Ты о чем?

Тут Грэм заметил — и у него сразу засосало под ложечкой, — что они стоят прямо напротив того места, которое всегда внушало ему тревогу.

Это была просто-напросто багетная мастерская, где вдобавок продавались офорты, постеры и абажуры качеством несколько выше среднего, но ее название —

«Стокс» — вызывало у Грэма неприятные ассоциации. От этого названия его пробирал озноб.

Сток — такую фамилию носил его соперник, чья фигура грозной тучей нависала, словно Немезида, над ним и Сэрой. Сток был байкером; этого мачо, затянутого в черную кожу, никогда не удавалось рассмотреть с близкого расстояния. (Грэм как-то заглянул в лондонский телефонный справочник, но там Стоков оказалось целых полтора столбца; в городе с населением в шесть с половиной миллионов возможны любые совпадения.)

Между тем Слейтер продолжал:

— ...с какого боку?

— Да просто к слову пришлось, — ответил Грэм.

Он уже пожалел, что подколот Слейтера.

— Я перед ним распинаюсь, а он ушами хлопает, — задохнулся от возмущения Слейтер.

Грэм кивком показал, что надо двигаться дальше:

— Никто ушами не хлопает.

Теперь у них на пути был фруктовый киоск Терри, откуда веяло ароматом свежей клубники, а дальше — аптека. Они дошли до развилки Кларкенуэлл-роуд и Роузбери-авеню. У корпусов Грейз-Инн-Билдингс, тянувшихся вдоль авеню, местами выдавались на тротуар зеленые фанерные щиты, за которыми велись ремонтные работы. Грэм и Слейтер едва протискивались между зеленой фанерой и шерботой кирпичной кладкой. Грэм смотрел на закопченные, битые оконные стекла; легкий ветерок шелестел выцветшими политическими плакатами.

— По-твоему, это бред? — спросил Слейтер, пытаясь на шаг опередить Грэма, чтобы посмотреть ему в глаза.

Грэм избегал его взгляда. Он размышлял, увяжется ли Слейтер за ним или дойдет только до Эйр-Гэллери, куда частенько наведывался после обеда. Грэм не собирался

скрывать от Слейтера свои чувства к Сэре — в конце концов, именно Слейтер в свое время их познакомил, но сегодня ему не хотелось видеть рядом никого из посторонних. Кроме того, он сгорал со стыда: на Слейтера главели все прохожие, а тот и в ус не дул. Хоть бы снял эту идиотскую кепку, подумал Грэм.

— Да нет... все нормально, — примирительно ответил он, выбираясь из узкого прохода между обшарпанной стеной и зеленой фанерой. — Но вообще говоря, — его губы тронула улыбка, — тебе не всегда удастся попасть в очко.

— А тебе только и удастся, что моими фразами шпарить, салага!

— Ладно. — Грэм в упор посмотрел на Слейтера. — Вернемся к нашим бананам.

— Я тебе что, обезьяна?

— Да ведь это твоя фраза!

— Ну и ну, — протянул Слейтер. — Поразительно. От слова «паразит».

Он остановился у пешеходного перехода через Роуз-бери-авеню, прямо напротив квадратного кирпичного здания Эйр-Гэллери, и повернулся к Грэму:

— Короче, что скажешь насчет моего сюжета?

— Что я могу сказать? — медленно начал Грэм, твердо решив сказать хоть что-нибудь ободряющее. — Замысел неплохой, только надо его слегка доработать.

— Вот как? — Слейтер отступил на шаг назад и вытарашил глаза, а потом сделал шаг вперед, сощурился и приблизился почти вплотную к своему младшему приятелю, да так, что тот слегка отступил. — «Доработать»? Когда я стану знаменитым, Национальная портретная галерея закажет мой портрет, но тебе этого заказа не видать как своих ушей.

— Тебе туда? — Грэм указал на противоположную сторону улицы.

После мгновенного замешательства Слейтер все же кивнул, глядя на Эйр-Гэллери:

— Допустим. А ты, я вижу, спешишь от меня избавиться?

— Вовсе нет.

— Так я и поверил! Ты всю дорогу меня подгонял.

— Ничего подобного! — запротестовал Грэм. — Просто ты ходишь нога за ногу.

— Мы же с тобой беседовали.

— Ну и что? Я могу беседовать и на ходу.

— Скажи на милость! Один такой ловкий уже был — Джерри Форд! Да ты не тушуйся; поспорим, я знаю, куда ты направляешься?

— Неужели? — Грэм постарался напустить на себя беспечный вид.

— Точно, — подтвердил Слейтер. — Не притворяйся, будто тебя это не колышет. — По его лицу расплывалась улыбка, словно нефтяное пятно на поверхности воды. — Ты запал на нашу Сэру, правильно я говорю?

— Не то слово, — ответил Грэм, стараясь обратить все в шутку, однако понял, что Слейтер так просто не отстанет.

Но ведь его чувства не сводились к примитивной похоти — а если даже и сводились, то об этом не следовало говорить вслух; во всяком случае, Слейтер выбрал совершенно неподходящее время и место.

— Бабы того не стоят, мой мальчик, — с грустью в голосе произнес Слейтер и умудренно покачал головой. — Она тебя кинет. Не сейчас, так потом. Все они одинаковы.

Когда осуждение было выражено в открытую, Грэму стало легче; оно прозвучало как обыкновенный жено-